

Анастасия Вербицкая

Пробуждение

Анастасия Алексеевна Вербицкая

Пробуждение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22495178

Аннотация

«– Нелли... Один поцелуй... Один только, и я уйду... Я прошу о пустяках...

– Нет!.. Нет!.. Егор Дмитрич... Это не пустяки... Я... я не хочу потихоньку целоваться!

Она стояла в амбразуре окна, рельефно выделяясь на тёмном фоне драпировки светлым платьем, всей высокой тонкой фигурой и золотистой головкой. В свои семнадцать лет она была свежа и прекрасна как ясное весеннее утро...»

Содержание

I	4
II	9
III	23
IV	26
V	40
VI	45

Анастасия Вербицкая

Пробуждение

I

– Нелли... Один поцелуй... Один только, и я уйду... Я прошу о пустяках...

– Нет!.. Нет!.. Егор Дмитрич... Это не пустяки... Я... я не хочу потихоньку целоваться!

Она стояла в амбразуре окна, рельефно выделяясь на тёмном фоне драпировки светлым платьем, всей высокой тонкой фигурой и золотистой головкой. В свои семнадцать лет она была свежа и прекрасна как ясное весеннее утро.

Красивый брюнет, казалось только что соскочивший с картинки модного журнала, стоял около Нелли и крепко держал её руки, стараясь заглянуть в её опущенные, скрытые под тенью пушистых ресниц глаза. И торжествующая усмешка сверкала в молодом ещё, но уже порядочно помятом лице брюнета. Он верил в свою силу, в своё знание женского сердца. Девушка, только в мае покинувшая стены института, почти ребёнок... Жаркий румянец стыда на её полудетском личике, испуганные движения, трепет её груди – как всё это понятно и красиво!.. И как страшно много для неё в этом первом признании, в первом поцелуе!

В гостиной, кроме них, не было никого.

Опущенные тяжёлые драпри и портьеры создавали искусственный полумрак в этой красивой комнате, где мебель казалась разбросанной причудливыми группами капризной рукой. Там, за стенами гостиной, всё спало в томящем зное безоблачного июльского дня, скованное неодолимой дрёмой. Страшно было раздвинуть портьеры и перейти в залитый солнцем, весь сверкающий в его лучах зал... Казалось, что так и окупнёшься в горячую ванну.

– О, какое институтство, Нелли!.. Где вы вычитали, что влюблённые целуются при публике?

– Нет!.. Нет!.. Это нельзя... Вы понимаете?.. Грешно обманывать... Ах!.. Боже мой!.. Уж если вы так хотите, то поцелуйте меня при Лили! – набравшись смелости, выкрикнула девушка почти с отчаянием.

У брюнета лицо вытянулось. «Вот так удружила!»

За этой Лили, замужней сестрой и опекушкой Нелли, у которой девушка теперь жила по выходе из института, Вроцкий «ухаживал» целых два года, и безуспешно... Ей-то уж, конечно, он последней признался бы в своих стараниях завладеть сердцем Нелли.

– Нет!.. Это... это чёрт знает что такое!.. – вспыхнул Вроцкий и вдруг испуганно оглянулся.

Сноп яркого света ворвался в комнату. На пороге, подняв одной рукою портьеру и напряжённо вглядываясь в полутьму гостиной серыми близорукими глазами, стояла ма-

ленькая красивая брюнетка.

– Нелли... Жорж... Вы здесь? Представьте, какой ужас!

– Qu'est-ce qu'il у а?¹ – пробормотал Жорж, отскакивая от девушки как резиновый мяч и стараясь соорудить равнодушную мину.

– Мёртвое тело нашлось...

Елизавета Николаевна опустила портьеру, упавшую мягкими тяжёлыми складками, и снова они все очутились в полумраке.

«Слава Богу, ничего не заметила», – подумал Жорж.

– Представьте!.. Верстах в пяти отсюда... около станции К***... поездом раздавило какого-то мужика...

– То есть... собственно говоря... что тут ужасного?.. – опомнился, наконец, Жорж, вскидывая на нос пенсне и опять чувствуя почву у себя под ногами.

– Как что ужасного, Жорж?.. А знаете ли... Здесь прелестно!.. Как легко дышится!

Она оглянулась и села на мягкий пуф, стоявший по дороге.

– Да мало ли народу дают поезда каждый день! Что вы, собственно, нашли здесь сенсационного?

Стоя перед Елизаветой Николаевной, спиной к Нелли, заложив руки в карманы своего невозможно короткого пиджака и медленно раскачиваясь на каблуках, он был великолепен как всегда.

¹ В чем дело? – фр.

– Ne dites pas de bêtises, George!..² Это будет первое мёртвое тело, которое я увижу.

– Ah!.. C'est autre chose...³ А зачем вам его видеть?

– Вы забываете, что я – писательница! – напомнила Елизавета Николаевна и с комичной важностью высоко подняла свою хорошенькую головку.

– Saperlipopette!..⁴ Я всегда с удовольствием забываю об этом... Для такой прелестной женщины...

– Знаю, знаю наперёд всё, что вы скажете... Это скучно, наконец!.. Нет, в самом деле, – заволновалась Лили, – если мне когда-нибудь придётся описывать смерть? Помните, у Тургенева?.. У Толстого?.. Ведь, это всё с натуры.

– Мм... – глубокомысленно мычал Жорж, продолжая раскачиваться на каблуках.

– Я положительно стою за то, чтобы писать с натуры... Этого вымысла, фантазии отнюдь... Я – реалистка... Этим, конечно, объясняется успех моей первой повести.

«Опишет... Как пить дать, опишет... – думал Жорж, крутя пенсне кругом пальца. – И дёрнула меня нелёгкая ухаживать за нею прежде!.. Всё дело испортил... А главное – целиком выставит... Имя, и то еле изменит... Ох уж эти *реалистки*»...

² Не будьте глупым, Жорж!.. – *фр.*

³ Ах!.. Это что-то другое – *фр.*

⁴ Проклятье! – *фр.*

– А гророс...⁵ Что вы тут делали? – любопытствовала Елизавета Николаевна.

– Анна Николаевна потеряла свой альбом, и мы его искали здесь, – не сморгнув, соврал Вроцкий.

– О, неправда! – крикнула Нелли, молчавшая всё время. – Альбом в беседке... Вы это знаете... Зачем вы говорите неправду?

Нелли вспыхнула; ей стало так стыдно за себя и за Вроцкого, что слёзы выступили у неё на глазах.

– О, sancta simplicitas!⁶ – неловко рассмеялся Вроцкий.

«Вот и извольте с такими дурами тонко свои дела вести!...» – ругался он про себя.

– Нет, это прелестно! – звонко и злорадно хохотала Елизавета Николаевна.

«Вот уж теперь не пощадит... Опишет, несомненно... На весь уезд осрамит, – думал Вроцкий, нервно топчась по гостиной и натываясь на мебель. – И это будет называться женской мстью»...

⁵ К слову – *ит.*

⁶ О, святая простота! – *лат.*

II

Лет семь тому назад на место земского врача в уездном городе N*** определился некто Литовцев. Это был суровый по виду и жёлчный молодой человек, оказавшийся впоследствии очень характерным и дельным. Он держался независимо и замкнуто, так что в уезде все его побаивались. Любили его только его подчинённые, служившие при земской больнице, да крестьяне, доверявшие ему безусловно и охотно, что так редко бывает, ложившиеся в его больницу.

Встретив блестящую, бойкую Лили, Литовцев влюбился в неё как-то мучительно, упорно и жестоко страдал от сознания, что он, бедняк, не пара этой богатейшей невесте во всём уезде.

Лили, которой надоели её женихи и поклонники, была очарована оригинальностью Литовцева, его суровым красивым лицом, его жёлчной и подчас дерзкой речью... Таких как он она ещё не встречала и потому сказала себе, что не уснёт спокойно, пока не увидит его у своих ног. Убедившись, наконец, в страсти Литовцева, Лили сама кинулась ему на шею, смеясь устранила все затруднения и уверила его, что отравится, если не станет его женой.

О свадьбе их и сопряжённых с нею празднествах в N*** помнили и через семь лет. Это было желание Лили, которая не терпела ничего заурядного. Литовцевы слыли самой кра-

сивой парочкой во всём уезде и самой счастливой. Хозяйкой Лили оказалась образцовой. Прислуга у неё была вся из столицы, и при этом «вымуштрована». Всё в доме шло по раз заведённому порядку, всё блестело и сверкало, нигде ни пылинки... Салон Лили считался в N*** первым по вкусу и тону, хотя кругом и немало было богатых помещичьих домов. Сама Лили как-то удивительно ловко умела быть «своей» в каждой партии и всех примирять в своей японской гостиной. Этот индифферентизм жены возмущал Литовцева, но Лили со смехом оправдывалась благотворительными целями. Действительно, сердце у неё было доброе, и она великодушно жертвовала мужу крупные суммы на его больницу, на инструменты, на лекарства, зная, как мучается он недостатком в них, зная также, что он отдаёт на больницу, а ещё чаще больным чуть ли не последний рубль своего личного заработка.

Эта доброта трогала Литовцева.

– Но одних денег мало, Лили, – заговорил он один раз. – Если б ты попробовала...

Лили, не дослушав, замахала на него руками.

– Нет... нет... ради Бога!.. Эта нищета, эти язвы... Я не вынесу... я заболела сама... Мои нервы... И если ты меня любишь, Поль...

Такого отпора Литовцев не ожидал, и разочарование его было так сильно, что он не спал всю ночь после этого разговора. Но он был упорен и затрагивал эту жгучую для него

тему не раз. Через полгода, однако, он убедился, что Лили глуха ко всем его доводам и убеждением. Она не хотела себе нарочно портить жизни... Нет, зачем... Мало ли есть способов делать добро?.. И она с увлечением устраивала в пользу бедных и больных концерты, аллегри, балы и спектакли, в которых участвовала сама, и с этой целью выписывала себе туалеты из Парижа.

Литовцев с женитьбой не изменил ни в чём ни своего образа жизни ни привычек. Из жениных денег он ни копейки не тратил на себя, довольствуясь собственным заработком. Он сторонился от шумных сборищ жены, видел её только за столом и редко наедине. Через три года такой жизни Литовцев, любя жену той же мучительной страстью, знал, что между ними нет ни одной нравственной связи, что они – чужие.

Тогда Литовцев ещё с большей энергией отдался борьбе с враждебной партией, с этими хищниками, жадно толпившимися у «общественного пирога» – с этой «костоедой земского организма», как выражался он. С головой ушёл он и в науку и в свои заботы о больнице.

От частной практики у богатых помещиков, веривших в его талант диагноста, он нередко уклонялся, под предлогом, что не хочет «отбивать хлеб» у своих товарищей, но никогда не отказывался ехать на помощь к тёмному люду и в уезд, как бы далеко ни лежало селение от N***.

Лили, ревновавшая вначале мужа к его деятельности, раз как-то отказала одному посланному от бесплатного больно-

го.

– Дома нет...

А потом набросилась на прислугу:

– Неужели сами не понимаете? Барин вернулся из уезда, всю ночь не спал... Только задремал...

Когда Литовцев узнал об этом, он так взглянул на жену, что она тут же села на первый подвернувшийся стул.

– Чтоб этого больше не было, Лили!.. Поняла?

О, конечно, она поняла, и больше этого не было... Стоит о нём заботиться!

Прошло ещё три года шумной жизни. Устала, наконец, и Лили... Всё надоело: приёмы, хозяйство, поклонники, филантропия... Хотелось чего-то нового... Детей не было, и Лили скучала и капризничала невыносимо.

Вдруг её «осенило»... Она надумала писать. Разрезая как-то свежую книгу журнала, она с удивлением прочла имя одного автора, и узнала в нём свою подругу по институту. Лили прочла её повесть с волнением и большим вниманием... Очень мило... Но, ведь, и очень просто... и особенного ничего. Взята картинка будничной семейной жизни и очерчена с юмором и большой теплотой... О!.. Так-то и она сумела бы написать!.. Вспомнилось Лили, что всегда она отличалась наблюдательностью, что сочинения в институте давались ей легко, слог у неё был блестящий... И вот закипела работа. Повесть Лили, где она, не задаваясь никакой «идеей», описала свою семейную жизнь и самое себя, со всеми причуда-

ми и капризами, была принята одним из лучших журналов и подкупила – одинаково как публику, так и критику – искренностью тона, смелостью языка, красивой новизной приёмов.

У Лили закружилась головка. Сам Литовцев был сначала очень счастлив, но его скоро отрезвило необыкновенно быстро развившееся самомнение у жены.

– Подожди выступить на суд публики со второй вещью, – предостерегал он. – Нельзя спешить в таком деле... Задача эта слишком серьёзна, ответственность слишком велика... Учись, читай больше! Будем читать вместе; ты так мало знаешь...

Но Лили и слушать не хотела. Что за вздор!.. Что за педантизм! На что ей нужно ученье? Оно таланта не даст... А кругом сколько тем! Только взглядишь в окружающее тебя – жизнь даёт эти темы на каждом шагу.

Литовцев отступился.

Лили принялась за большой роман в четырёх частях, где безбожно «выводила» всех знакомых... Хозяйство приходило в упадок, обед подавался не вовремя, поклонникам отказывали от дома... Не беда!.. Зато цель жизни была найдена, зато бедный Поль отдыхал после семи лет от нелепых сцен ревности и от бурь в стакане воды.

Вроцкий появился в N*** три года тому назад. В Петербурге он быстро спустил доставшееся ему от матери состояние и приехал посвятить себя земскому делу в N***. В уезде у него было небольшое имение, где умерла его мать, и много

связей и знакомств между помещиками. Вроцкий был ловким малым, имел университетское образование и без труда добился места мирового судьи. Он никак не ожидал встретить в захолустье такой «роскошный цветок», как Лили Литовцева. Из Петербурга он увозил запас поэтических воспоминаний о кутежах у Донона, о жгучих глазах цыганок и о несравненных улыбках французских актрис, затем две дюжины превосходных галстуков и печальную решимость похоронить себя *volens-nolens*⁷ в глуши... И вдруг встреча с Лили!.. Вроцкий воспрянул духом, вооружился обеими дюжинами своих галстуков, своею светскою самоуверенностью, бесспорным превосходством петербургского денди над провинциалами, наконец своим знанием женского сердца – знанием, которое он, между прочим, приобрёл лишь за кулисами и в отдельных кабинетах загородных ресторанов – и пустился в атаку. Два года он отчаянно «ухаживал» за Лили, подчас начинал злиться и терять терпение, но был уверен, что она не устоит... И когда – о чудо! – Лили устояла, он к концу третьего года не на шутку, было, увлёкся этим «сероглазым чертёнком», как вдруг в N*** появилась Нелли.

Большого контраста между сёстрами быть не могло. Елизавета Николаевна – маленькая, подвижная, кокетливая брюнетка, экспансивная, взбалмошная, но бесспорно добрая... Нелли – высокая блондинка, задумчивая, застенчивая, сдержанная, вся ещё загадка для других и для самой себя...

⁷ Волей-неволей – *лат.*

Вроцкий, обожавший блондинок, не замедлил влюбиться. К тому же, Нелли была богатою невестой, а Жорж сильно нуждался в деньгах.

Нелли кончила курс в фешенебельном институте. Все шесть лет, проведённые ею в школе, она, среди институтской толпы, стояла особняком. По меланхолическому ли складу ума, по своей ли сдержанной и вдумчивой натуре, Нелли ни с кем не сближалась, никого не дарила своею откровенностью. Девочку не понимали, но все любили её за кротость и готовность помочь деньгами ли, знаниями либо участием. «Рохля... не от мира сего»... – говорила про неё, смеясь, Лили, втайне очень гордившаяся сильной привязанностью девочки и безусловной верой её в превосходство Елизаветы Николаевны над всеми знакомыми. Правда, слово «рохля» очень подходило к Нелли. Никогда не было в ней живости и подвижности ребёнка, никто не замечал в ней так свойственного юности беззаветного веселья, беспричинного звонкого смеха, внезапной и дерзкой выходки. Но с детства можно уже было смело сказать, что у девочки есть характер и гордость. Ей нравилось делать над собой опыты, ломать себя, что называется, подавлять свои желания, выдумывать себе лишения... Всё это развивало в ней выдержку и самообладание. Её нервная натура искала дела, борьбы, и, не находя ничего под рукою в стоячей, почти механической жизни вне её, направляла эту кипучую работу мысли и воли внутрь себя. Интересы подруг ей были чужды. Институтки постоянно игра-

ли в «любовь», увлекались всеми, начиная с молодого учителя русской словесности и кончая красивым, чернобровым истопником. Всё это казалось Нелли непонятным и грязным. Она сторонилась инстинктивно от девочек, которые, вернувшись с летних вакаций, шептались в углу с пылающими щеками, с огнём рано проснувшихся желаний в глазах. Нелли была эстеткой и по натуре и по воспитанию. Красота во всём и везде, где бы ни встречала она её – в лице ли человека, в мелодии ли стиха, в звуках ли музыки, или в картине, не говоря уже о природе, любимой ею страстно, – влекла её к себе неотразимо, властно... Она любила и блеск балов, с опьяняющим движением танца, с ярким светом люстр, манящими звуками музыки, и оживлённую молодую толпу... Скромно она забиралась в уголок, избегая попадаться на глаза кавалерам, и оттуда зорко наблюдала и наслаждалась своими новыми впечатлениями... Но даже там, среди волнующейся и весёлой вереницы подруг, звуки вальса будили в душе Нелли какие-то странные, больные ощущения, слёзы просились на её глаза... И Нелли убегала потихоньку из бальной залы или из светлого класса, где воздух дрожал переливами звонкого смеха и молодых голосов, и, спрятавшись где-нибудь в темноте пустого дортуара, уткнув головку в подушку, плакала мучительно, страстно, чувствуя себя подавленной, неудовлетворённой действительностью... Она никому, даже Лили, не говорила об этих беспричинных взрывах тоски.

Нелли горько плакала, покидая подруг и стены института,

где все носили её на руках. Но слёзы высохли скоро. Жизнь встретила её как именинницу. Все ласкали девушку, сулили ей счастье, оберегали её от забот и огорчений, спешили доставить ей удовольствие, и это казалось Нелли вполне естественным и должным. Воспитанная аристократкой, не для борьбы и труда, а для успеха в «свете», Нелли выросла, как сказочная принцесса, в полном неведении грязи, нищеты и горя... Ум её дремал. Жизнь, которую она знала только с казовой стороны, представлялась ей прекрасною женщиной с загадочной улыбкой на устах. Что сулила ей впереди эта улыбка?

Нелли ждала...

Она любила книги больше общества, но всё, что она читала в институте, проходило чрез руки её чопорных воспитательниц. Иностранную литературу она знала порядочно. Корнель, Расин, Шиллер, Виктор Гюго, в его драматических произведениях, Теннисон, Вальтер Скотт и целый легион английских и немецких высоко нравственных романов из институтской библиотеки... Всё возвышенно, изящно, прилично, *très comme il faut*...⁸ Но русскую литературу, кроме классиков, конечно, Нелли знала плохо. Литература наша была в институте в загоне, считалась там безнравственной, неопрятной и вообще *непорядочной*.

Нелли помнила, как раз начальница объясняла старшему классу свой взгляд на этот предмет.

⁸ вполне прилично – фр.

– Кроме Чаева и, пожалуй, Тургенева, – снисходительно морщась, говорила графиня, – читать по-русски, мои милые, вам нечего...

– А Гоголь? – послышался чей-то смелый голос.

– Сальность, – резко и властно прозвучал ответ.

– А Некрасов? – раздалось уже тише из того же угла.

– А Некрасов с Писаревым – камские разбойники, – невозмутимо объявила начальница.

Почему именно камские, а не муромские или другие какие-нибудь, ведала только она.

Немудрено, что Нелли не знала ни Байрона, ни Шелли, ни Диккенса, ни Щедрина. Ни горечи, ни сатиры, ни слёз!

Зятя своего Нелли сперва чуждалась, боясь его жёлчных речей и сурового взгляда, но скоро они сблизились, благодаря чтению.

– Что ты читаешь? – любопытствовал раз Литовцев, застав Нелли в саду за книгой.

Оказалось, что Лили знакомила сестру с литературой Маркевича, Авсеенко и К°.

– Брось это, – резко сказал Литовцев. – Пойдём ко мне... Я дам тебе хорошую книгу, которая заставит тебя думать...

Он выбрал ей «Семью Головлёвых».

Нелли казалось, что она спала сном без грёз и видений... И вот её разбудили грубо, насильственно... Она испуганно озирается кругом и видит безобразные лица, злые или искажённые страданием... А кругом – глухие стоны и затаённые

проклятия... И ей опять хотелось заснуть.

«О Боже мой!.. Неужели это всё правда?..» – в ужасе спрашивала она себя.

– Что ты делаешь с сестрой, Поль? – накинулась Лили на мужа, влетая в его кабинет.

– А что я делаю? – невозмутимо отозвался Литовцев, не отрываясь от газеты.

– Она плачет над противным Щедриным... Зачем ты отравляешь ей душу? Придёт время, и своего горя будет много... Успеет наплакаться...

– Нет, отчего же... Это полезно даже – над чужой бедой поплакать, хотя б и в книгах, если не в жизни... Это её отрезвит, с облаков на землю спустит.

– Мерсі... Значит я, по-вашему, в облаках витаю?

– Ты? – Литовцев поглядел на жену. – Ну, ступай, пожалуйста... Я тут интересную статью читаю.

Газета полетела на пол.

– Вы с ума сошли с вашими интересными статьями!.. Отвечайте на вопрос!.. Откуда у вас явилась эта супружеская манера – не слушать жениных слов?

Литовцев закричал, и лицо его сморщилось в жалкую гримасу. Он потянулся, было, за газетой, но Лили предупредила его и, скомкав бумагу, швырнула её под кресло, в котором комфортабельно уселась.

«Начинается», – с видом жертвы решил Литовцев.

Действительно, началось...

В течение десяти минут Лили доказывала мужу, что он – животное, не умеющее ценить счастья, выпавшего на его долю... Что у неё – золотая головка, золотое сердце, талант... И, притом, она – не рохля, вроде Нелли, а живчик, огонь. Она его страстно любила *когда-то*, но теперь пришла к убеждению, что не стоит для него зарывать себя в глуши, быть верной, когда не ценят. Кончено! Они расстанутся... Если он будет удерживать её, она, всё равно, тайком сбежит в столицу. О, не беспокойтесь!.. Там она не пропадёт... Такие, как она, не пропадают. Пусть его остаётся со своей больницей и возлюбленными мужичками!

– Мм... – мычал Литовцев, захватив голову руками и раскачиваясь на диване всем корпусом как человек, страдающий зубной болью.

О!.. Она давно замечает, что он увлекается её сестрой... Ну и пусть!.. Оставайтесь вдвоём и ступайте в народ... Несомненно, он погубит эту милую девочку своими бреднями...

– Романистка!.. – презрительно процедил сквозь зубы Литовцев.

– Что-о? – завопила Лили и подскочила на своём кресле. – Бессердечный вы человек!.. Чудовище!.. Идиот!.. Нет... нет... Конеч моему терпению!

Она нагнулась, выхватила газету из-под кресла и, скомкав её, кинула в лицо мужу.

Тот только инстинктивно сгорбился и вытянул перед собой руки.

Елизавета Николаевна передохнула только через две комнаты, остановилась и хлопнула вдруг себя пальчиками по лбу.

– А, ведь, идея недурна. Да, да... очень даже эффектна... Женатый человек влюбляется в свояченицу... Сколько драматических положений, сценических моментов!.. Положим, что тема избитая. Но, с другой стороны, где взять новые темы? «Ново только то, что забыто», – сказал кто-то... Кто? Ну, да всё равно! А ещё лучше – пьесу написать!

И она увлеклась...

Но Литовцев не унялся. К выходкам жены он привык, как привыкают к неизлечимой болезни, к глухоте, горбу и т. п.

– Не дать ли тебе ещё книгу в этом роде, Нелли? – спросил он её на другой же день.

– Дайте, Поль... Прочту...

Он принёс ей «Три письма из деревни», Г. Иванова. Нелли целую неделю бродила, словно потерянная. Потрясающий образ юноши, загубившего собственную жизнь, право на счастье, чтобы спасти заброшенных и уже испорченных детей и поставить их на настоящую дорогу – и всё это тихо, без фраз, без рисовки, – этот образ неотступно стоял перед Нелли и будил её уснувшую, было, старую, беспредметную тоску и зажигал слёзы в её глазах. Но теперь эта тоска уже имела причину. Как бледна, как бесцветна казалась рядом с этим подвигом её собственная жизнь и жизнь других!

Она невольно высказала эту мысль зятю, когда он спросил

её о впечатлении.

«Славная, славная девушка, – часто и упорно думал Литовцев после этого разговора, внезапно сблизившего их. – Ах!.. Жаль, жаль»...

Чего жаль?.. Он сам себе не договаривал.

Он захотел, однако, идти дальше одного чтения.

– Поедем со мной в больницу, Нелли, – предложил он девушке раз при жене.

Лили вскипела.

– Вы помешались? Курсистка она, что ли, чтобы по больницам бегать? Мало вам того, что вы на себе всякую заразу домой несёте?.. Не пущу!.. Не пущу ни за что!.. Она – сирота. Я ей мать заменяю. Я за неё Богу ответ дам...

– Ты хочешь сделать из неё эгоистку?

– Нет... ничуть... Но всё в меру... Мало ли есть способов любить ближнего? Вот кстати... Я устраиваю концерт в пользу бедных... Нелли так мило поёт...

Литовцев махнул рукой.

В дверях он с ожиданием и тоской оглянулся на Нелли.

Но та молчала, поникнув головой. Авторитет Лили был так силен, что девушке и в голову не приходило открыто восстать против неё.

III

– Скажи, пожалуйста, какие между вами отношения? – начала Елизавета Николаевна, входя к сестре в это утро и бросаясь на кушетку, обитую прелестным бледно-розовым кре-
тоном.

В этой девичьей комнатке всё было изящно, свежо, поэ-
тично, как и сама хозяйка. Нелли давно уже прибежала сюда
из гостиной, оставив сестру с Вроцким.

Теперь она стояла у стола, отчаянно теребя и тиская N
«Нивы», который попался ей под-руку.

– Он тебе нравится?

– Кто?

Девушка так и вспыхнула.

– Ну, понятно кто... Жорж Вроцкий?

– Н-не совсем...

– А ты ему?

– Не... не знаю, – совсем шёпотом бросила Нелли, отво-
рачиваясь и вся красная. – Кажется, да...

В самом деле, как она сумела бы ответить на это? Вроц-
кий клялся, что любит её. Иногда ей казалось, что это так, и
эта мысль была ей приятна... Он так красив, так хорошо го-
ворит, эти страстные речи так новы для Нелли... Но иногда
он вдруг становился ей противным и чужим... Её удивляло,
зачем он лжёт, если любит? Зачем скрывает свою любовь? А

главное... главное... главное... Как можно, любя одну, смотреть такими *гадкими* глазами на другую? Он думает, что она ничего не замечает, и флиртует с Лили... Она не ревнует, нет!.. Но ей стыдно за него! Здесь есть какая-то фальшь... Кому-то из них обеих он лжёт... Но кому? И зачем?

Елизавета Николаевна спустила ноги с кушетки и глядела, молча, на сестру.

«Удивительно хороша!.. Мадонна какая-то!.. Но рохля... рохля... Впрочем, как и подобает мадонне... *Она не знает... Ей кажется...* Как вам это понравится?.. Я с восьми лет уже влюблялась»...

– Брось «Ниву», дитя!.. Ты её уже совсем смяла... И сядь сюда... Слушай... Хочешь, я за тебя доскажу остальное? Он начал с того, что называл тебя самородком, исключительной натурой, сфинксом... Так?

– О, Лили!.. Ты подслушала...

– Ха-ха!.. Невинное дитя!.. Нет, я никогда не подслушиваю, но я знаю всё, знаю сердце мужчины... Недаром я писательница... и психолог...

Елизавете Николаевне стало чуть-чуть совестно, но она тотчас вернула свой апломб.

– Потом он читал тебе стихи-экспромт, посвящённый тебе... конечно, – язвительно добавила Лили. – Начинается он так, кажется:

Весны свежей, моложе утра...

– О, Лили... Но почему же?

У Нелли дрожали слёзы в голосе.

Лили прыснула со смеха.

– Нет, каков гусь!.. Хоть бы из осторожности разнообразил свой репертуар!.. Потом, Нелли, он рассказал тебе всю свою жизнь, полную падений (о Боже, как всё это глупо!), ошибок, ложных увлечений... и кончил клятвами в том, что ты – его первая чистая страсть, что ты – его ангел-хранитель... и тому подобную чепуху, которую говорят каждой из нас.

Нелли молчала, низко опустив голову. Лицо её пылало от стыда.

– Потом он просил первого поцелуя... Нелли, ты плачешь? – вскинулась Лили. – О, поверь, дитя моё, такие люди не стоят ни одной твоей слезинки!

«Бедняжка, она ему верила, – думала Елизавета Николаевна, идя в сад. – Но, ведь, и я тоже, дура, верила ему когда-то... Ну погодите, милейший Жорж!.. Вы ловили Нелли в свои сети... Да, ведь, вы её мизинца не стоите, сударь мой!.. Но какой, однако, роскошный материал для писателя этот Вроцкий!»

IV

За обедом Жорж, как ни в чём не бывало, с обычным апломбом вёл с Литовцевым разговор о предстоящих выборах. Лили исподтишка жадно ловила его движения, вслушивалась в его слова, в самый звук голоса, как бы желая проникнуться им, и глаза её вспыхивали злым огоньком. Она теперь изучала его.

«Ревнует... – самодовольно думал Жорж, подмечая нервную игру её лица... – Что ж... Чем чёрт не шутит? Не выгорит там – выгорит тут. Эта ревность может мне теперь сослужить службу перед очаровательной Лили»...

– А ты отдумала ехать? – равнодушно осведомился Литовец у жены.

– Конечно, едем... и все, все... Помилуй, я никогда не видала мертвецов...

Взгляд Литовцева встретился с прекрасными глазами Нелли. Что-то яркое как молния мгновенно дрогнуло в его усталом лице, сверкнуло в зрачках и угасло.

– А ваши аллегри и бал, Елизавета Николаевна? – напомнил Вроцкий. – Ведь, мы с вами открываем бал нынче?

Она высоко подняла брови.

– Надеюсь, мы к восьми будем дома. Теперь пять...

Когда шумная компания стала усаживаться в коляску, моська барыни, отчаянно лаявшая на лошадей, вдруг прыг-

нула в экипаж и взобралась на колени к хозяйке.

– Пошла, пошла!.. Наташа, Агафья, возьмите её!

– Ну, уж оставьте! – раздражительно возвысил голос Литовцев. – Мы и так опоздали. Следовательно давно проехал...

– Не сердись, Поль... Я возьму её на ленту... Наташа, живей! Сиди смирно, Веста! О, мопсинька милая... Куш!

Горячие лошади тронули крупной рысью. Лили торопила и погоняла. Моська сидела на её коленях, взъерошенная, нервно вздрагивая жирным телом.

Через пять минут город остался позади. В лицо пахло свежестью полей и сладким запахом клевера. Большая дорога вилась белеющей извилистой лентой между стенами золотистой ржи. Синеголовые васильки выбегали на самую дорогу и, казалось, приветливо кивали едущим. Коляска катилась ровно, оставляя за собой крутящуюся пыль.

– Поль, – робко заговорила Нелли, – как могли раздавить этого крестьянина? Неужели он не видел поезда?

– Il était gris⁹, – объяснил Жорж. – Дело праздничное... А тут, кстати, ярмарка в селе... Наш серый брат не может не нализаться – *passez moi le mot*¹⁰ – на радостях или с горя, при всяком удобном случае.

– Дайте ему что-нибудь взамен водки, – угрюмо бросил Литовцев.

⁹ Это был серый – *фр.*

¹⁰ Я передаю слово – *фр.*

– Что же? Театр, *par exemple*¹¹?

– Театр дать трудно, а хорошую книгу можно всегда...

Жорж шумно и красно начал доказывать, что наш мужик гораздо счастливее интеллигента, и что если он обнищал, то по своей же вине, в силу своего беспробудного пьянства...

– А если эта смерть не случайна? – внезапно спросил доктор. – Если это самоубийство?

Нелли побледнела.

– Как? Сам себя убил?

Суровый взгляд Литовцева смягчился, когда он взглянул в испуганные глаза Нелли.

– Ах!.. Ах, Нелли! – волновалась Елизавета Николаевна. – Взгляни на эту группу сосен, такую одинокую в поле... А этот поворот видишь? Какая таинственная, манящая эта дорожка, убегающая куда-то далеко-далеко!.. Как поэтично!.. Непременно опишу где-нибудь...

– А вы что пишете теперь? – полюбопытствовал Жорж.

– К чему говорить заранее? Вы прочтёте в печати... и многих узнаете...

«А! Чёрт тебя дери с твоим писательством!..» – думал Жорж, беспечно, по виду, играя тросточкой в воздухе.

Коляска въехала в лес. Стало темно и прохладно. Лошади пошли шагом. Лес был смешанный: по одну сторону темнели сосны и ели, и далеко было видно насквозь в этой чаще; по другую – зеленели бледными тонами осины, сверкали белиз-

¹¹ например – *фр.*

ной молодые, воздушные берёзки. Кусты орешника и клёна внезапно выбегали на повороте, словно хотели заступить дорогу. Воздух был напоён чудным ароматом смолы и молодого ельника. Сосновые шишки, прошлогодний, сгнивший почти лист и осыпавшиеся иглы густо покрывали вязкую почву. Коляска двигалась теперь ещё медленнее по изрытой колеями дороге, ещё сырой после недавнего дождя, но никто не жаловался на это, всем было хорошо в этой лесной глуши. Солнечный свет как гигантские золотые иглы проходил через сосновый лес и ласкал лицо едущих. Чаща всё редела.

Коляска вдруг повернула. Между двумя стенами леса, уходившими вдаль, раскинулась небольшая поляна, вся в лесных фиалках. Пересекая её, рельсовый путь сверкал на солнце. Влево он делал крутое закругление и пропадал за мрачную толпой сосен.

На поляне было несколько человек в разбившихся группах. От одной из них отделился следователь, в парусинном пальто и таком же картузе. Он махал Литовцеву рукой и с открытой головой кланялся дамам.

– Стой! – сказал доктор кучеру.

Все разом присмирели. Одна моська заливалась отчаянным хриплым лаем, да лошади испуганно фыркали и ржали, прижимая уши.

– Тубо, Веста!.. Слышишь ты? Жорж, дайте мне руку... Чувствуете? Я вся дрожу...

– Чувствую, – выразительно шепнул Жорж и сделал

страстные глаза.

Лили прыснула со смеха.

Литовцев со следователем пошли вперёд, озабоченно разговаривая вполголоса.

– А где же мертвец?.. Ты перестанешь, Веста? Тубо!.. Жорж, что это за люди? Зачем они здесь?

Лили указала на мужиков, сидевших поодаль, на земле.

– Это понятые...

– Qu'est-ce que c'est¹² понятые?

Жорж объяснил.

– Как это интересно!.. Правда, Нелли?.. Но какие у них нервы!.. О, я ни за что не согласилась бы провести ночь с мертвецом!

Она вдруг смолкла и остановилась, наткнувшись на мужа и следователя.

Те стояли у самых рельсов, нагнувшись над чем-то большим и бесформенным.

Литовцев сдёрнул рогожу.

Нелли дико крикнула и отступила, хватая за руку сестру.

Это был труп – без головы.

Он лежал ничком, у самых рельсов... Одна босая и бурая от грязи нога была слегка поджата, другая вытянулась по земле. Всего страннее было положение рук. Казалось, в последнюю минуту несчастный передумал и хотел подняться, быть может инстинктивно, но было поздно... Окоченевшие

¹² Что это – фр.

заскорузлые пальцы его согнутых рук так и впились в землю... Серый дырявый зипун сбился и показывал старую синюю рубаху и порты. На том месте, где была голова, теперь зияла огромная чёрная запёкшаяся рана. Целая лужа крови впиталась тут же в песок. На рельсах и шпалах тоже виднелись тёмные пятна.

Несколько минут все молчали, не имея сил оторвать глаз.

Литовцев выпрямился и, сделав знак женщинам отойти, приступил к осмотру трупа.

– Affreux!..¹³ – прошептала Лили. – А где же голова?

Следователь указал на шпалы и песок, неподалёку. Там лежали глиняные черепки.

Следователь поднял один из них. Лили увидела какую-то сероватую массу, кровь в сгустках, осколок чего-то, покрытый слипшимися волосами... Это было всё, что осталось от головы самоубийцы.

– О, мне дурно!.. Жорж, уведите меня подальше, – застонала Лили, ложась на плечо Вроцкого.

Тот не преминул страстно прижать к себе её стан.

Моська жалобно визжала и забивалась под юбки барыни, мешая ей идти. Лили не вытерпела. Вся томность разом соскочила с неё.

– Зачем надо было брать эту противную тварь?.. Егор Дмитрич, возьмите её на руки!.. И, пожалуйста, подальше от меня... Что за дурная привычка употреблять сильные

¹³ Ужасно!.. – фр.

духи?.. Фи!.. Мне тошно даже... Нелли, иди сюда!.. Охота смотреть на эти гадости!

«Шут бы тебя взял, с твоей моськой вместе!..» – думал элегантный Жорж, неловко гоняясь в своих модных тонких штиблетах за собачонкой, которая злобно лаяла на него и угрожала укусить.

Судорожно сцепив пальцы, Нелли как бы замерла, не сводя глаз с того места, где лежал труп. Дремавшая до тех пор мысль, разбуженная так грубо и внезапно, билась лихорадочно, металась, ища исхода, как бьётся птица, вспугнутая в клетке.

– Нелли, – говорила Елизавета Николаевна, подходя к девушке и беря её за руку. – На тебе лица нет... Отойди!.. Тебе вредно так волноваться... О, какой ужас!.. Я уверена, что он нам обеим приснится.

– Но разве это не поучительно, Анна Николаевна, – философствовал Вроцкий, которому удалось поймать моську и вернуть утраченное, было, в погоне за нею душевное равновесие. – Человек жил, страдал, мыслил... как-никак... Любил, ненавидел... и вот конец!.. Горсть праха... Кусочек сероватой массы в глиняном черепке... Какое ничтожество – жизнь и сам человек.

– Ну, а вывод какой же будет из вашей пессимистической речи? – допрашивала Лили, насмешливо блестя глазами.

– А вывод таков, что надо жить, не мудрствуя лукаво, – пылко подхватил Жорж, встряхивая в избытке чувств мось-

ку, которая покосилась на него и угрожающе заворчала. – Надо жить легко... Брать от бытия его блага, не печалиться о тнях, набегающих на наше солнце, и не думать о конце...

Но красноречие его пропадало даром.

Нелли напряжённо вслушивалась в долетавший к ней урывками разговор зятя со следователем.

– Раздроблена, – говорил следователь. – А понятия признали... На правой ноге шестой палец видели?.. Из деревни Рогачово, Андрей Шестипалый... Мать тоже признала труп... Она здесь с утра.

Они отошли, взявшись под руку.

Нелли подбежала и уцепилась за рукав зятя.

– Поль, милый... Где его мать? Пойдём к ней.

Литовцев заглянул в лицо девушки и крепко сжал её руку.

Мать самоубийцы сидела шагах в пятидесяти от трупа, недалеко от понятых. Это была худощавая, крепкая ещё старуха, с суровым лицом, словно отлитым из тёмной бронзы, и жилистыми руками. Она сидела на земле, поджав под себя босые ноги и понурившись. Рядом лежали холщовая грязная котомка и суковатая палка. Одежда старухи как и у сына её свидетельствовала о крайней нужде.

– Арина, – обратился к ней один из понятых, тронув её за плечо. – С тобой господин дохтур говорить хочет.

Арина подняла своё изрытое морщинами лицо, глянула впалыми глазами на подошедших, но не встала перед ними, а только поклонилась им по-крестьянски, одной головой, не

сгибая стана. Взгляд её ещё непотухших глаз был спокоен.

– Какая причина? – заговорил Литовцев. – Пил он, что ли?

Старуха ровным, однотонным голосом рассказала обыкновенную и несложную историю крестьянского оскудения. Жили они прежде в достатке. Андрей слыл примерным мужиком, работник был на славу, хмельного в рот не брал. Случился как-то неурожай, да так три лета подряд... Земля-то у них и так небогатая, всё больше песок... А там падёж. У них много скотины было, тоже пала... Стали беднеть, накопились недоимки. Сунулся Андрей в Москву, в извоз. Спервоначально пошло словно легче, денег присылал домой, перебывались кое-как, хотя и тяжело было бабам одним справиться... А там простудился и вылежал в больнице два месяца. Место, известно, потерял; где найти сразу? Вернулся в деревню, а тут лошадёнку со двора за долги свели... Сам, небось, знаешь, барин, каково мужику без лошади?.. Ну, и затосковал.

– А велико ль семейство осталось?

– Семь душ, мал мала меньше, да баба на сносях... да отец безногий на печи... Один был работник, Андрей... Теперь нам без него пропадать.

Литовцев молчал, насупившись, низко опустив голову. Он как бы намеренно избегал жадного взора Нелли.

– В ту пору я ещё ему говорила, как на ярманку он собрался... «Не ходи, Андрюша... Негоже тебе на чужое веселье глядеть»... Словно чуяло сердце моё... Да лучше бы он то-

гда в больнице помер, чем такой грех тяжкий на душу принимать!.. Собачьей смертью помер!

Высказав свою затаённую, глодавшую её мозг мысль, старуха смолкла опять, под влиянием того целомудренного чувства, которое не допускает цельные крестьянские натуры до шумных излиятий радости или горя. Бронзовое лицо старухи опять словно окаменело.

– Ну, и куда же вы теперь? – неохотно заговорил Литовец.

– Куды? – словно эхо, повторила старуха и тотчас бесстрастно добавила. – По миру пойдём. Куды ж теперь иттить?

Нелли порывисто отвела зятя в сторону.

– Я не хочу, Поль... Это невозможно... Это ужасно... Маленькие дети... – волнуясь, задыхаясь, говорила она. – Вот возьми... отдай ей... Пятнадцать рублей... У меня больше нет сейчас... Это мало на лошадь? Сколько надо?.. Дай, Поль!.. Купи им лошадь... Он из-за лошади пропал, несчастный... О Боже! Дети нищие... Скажи, если им купить лошадь, они не пойдут по миру? Они останутся там, где жили?

Её била лихорадка.

– Не плачь, моя радость! – Голос Литовцева дрогнул и зазвучал нежностью. – Вот... – он вынул всё, что у него было в бумажнике, и протянул девушке. – Поди, отдай это старухе! Здесь ей на корову и на лошадь и даже на новую избу хватит. Они теперь не нищие.

Конфузясь, всхлипывая, с пылающими щеками, Нелли подошла к старухе и тронула её за плечо. Та уже опять сидела понурившись, словно застывшая, не видя устремлённых на неё со всех сторон любопытных глаз.

– Вот... возьмите! И на корову... и на лошадь, – бессвязно лепетала Нелли.

Не подымая головы, Арина увидела в руке девушки радужную бумажку между двумя другими ассигнациями. Она поняла, что это большие деньги, и каменное лицо её дрогнуло.

– Спаси тебя Бог! – промолвила она, не то пытливо, не то удивлённо вглядываясь в заплаканное лицо девушки.

– Детей-то... детей... ради Бога... нищими... не... не... пускайте...

Нелли всхлипнула и отбежала.

– Спаси тебя Бог! – медленно повторила старуха, глядя ей вслед и широко крестясь.

Литовцев пошёл навстречу девушке, взял её за руку и подвёл к труп, уже покрытому рогожей.

Они были одни, никто не видел их. Лили внимательно слушала горячий спор Вроцкого со следователем.

– Вот, – тихо, взволнованно заговорил Литовцев, – перед тобой трагический финал простой серенькой истории, называемой жизнью... Здесь нет эффектов, нет ярких красок. Всё тускло, убого... Это борьба за существование, бесменная, беспощадная, и только... только за право жить впро-

голодь... Не грандиозная борьба с сильным врагом, а изнурительная, мелочная, с рваной, грязной, испитой старушонкой-*нуждой*... Ни обеспечения под старость, ни духовных радостей, ни умственных интересов... Кабак – вот отдых, вот единственное развлечение... Много надо уколов, много надо ударов, чтобы победить всевыносливого мужика... Вот этот, перед нами, терпел не год и не два. Это драма, которая тем страшнее, что не кричит о себе, не бросается в глаза... И только подобный внезапный конец заставляет нас остановиться и подумать.

Он провёл рукой по побледневшему лицу. Нелли глядела на него, широко открыв глаза, не узнавая этого лица, не узнавая этого голоса, ловя каждое слово.

– Помни, Нелли, что таких, как он, миллионы на земле... Гляди на него... Не бойся!.. Старайся запомнить эти минуты... Когда тебе будут говорить, что всё это в порядке вещей, не верь!.. Если *это* правда, то всё, чем люди живы, чем держится мир, – ложь и самообман... Не мирись со счастливой философией себялюбцев и пошляков... Не успокаивай себя выводами науки, статистическими данными, политической экономией... Верь только чувству справедливости, которое громко вопиет в тебе и требует удовлетворения...

Он схватил её руки.

– Нелли... Поняла ли ты меня? Ответь! Девочка ты моя милая! – с каким-то отчаянием вырвалось у него.

Она не могла говорить от волнения, но это и не нужно

было теперь... Он прочёл ответ, взглядевшись в её глаза.

– Поезд идёт!.. Поезд! – кричала им Лили.

Инстинктивно они отпрянули от шпал и ждали, прислушиваясь. Земля глухо гудела. Гул поезда, как дыхание бегущего издалека громадного чудовища, нёсся всё ближе, ближе, долетал уже явственно...

Все, бывшие на поляне, как-то разом стихли и повернули головы, глядя туда, где путь делал закругление, пропадая за мрачной, таинственной чащей елей. Заходящее солнце заливало своим блеском поляну и стоявших на ней, и группу понятых, и труп... Но там, между елями, было темно.

В этой мгновенно наступившей тишине было что-то злое. Казалось, всем представлялась та минута глухой ночи, когда вот тут, лёжа головой на рельсах, этот мертвец, тогда ещё живой и страждущий, вот также прислушивался к далёкому грохоту и рёву бегущего поезда, который нёс ему смерть...

И как теперь, стояли там стражами на пути эти угрюмые ели и, безмолвные свидетели совершившейся драмы, глядели бесстрастно, как боролся и гибнул человек.

Из-за деревьев вынырнул паровоз, за ним как кольца громадного змея выползли вагоны, и весь поезд, глухо рыча, помчался мимо поляны, вытягиваясь и сверкая на солнце. С невольным страхом все следили за ним глазами... «Быть может, это тот самый поезд», – подумалось каждому.

– Regardez la mère!¹⁴ – крикнула Лили, подбегая к мужу и таща назад на ленте свою моську.

Взъерошенная и потная от волнения, Веста рвалась за паровозом, становилась на задние лапы и хрипела.

Арина вскочила на ноги при первом гуле шедшего поезда. Теперь она стояла спиной к обществу, бессильно уронив руки, и, не сморгнув, как вкопанная всё глядела вслед чудовищу, отнявшему у неё сына... Что думала она?

Жадно, сверкающими глазами все следили за ней... Казалось, жалели, что нельзя заглянуть в эту чужую душу, осязать, как говорится, все её фибры... Лишь понятые, лениво проводив взором поезд, опять понурились и апатично жевали хлеб, по-прежнему сидя на земле.

¹⁴ Посмотри на мать! – *фр.*

V

Коляска, выехав в поле, мчалась теперь в город во весь опор. Все были молчаливы, всем было как-то не по себе. Одна Лили болтала без умолку. Она рада, что была там... Она нарочно все подробности подметила... Для писателя важно всё видеть, всё знать. Какие, однако, сильные ощущения даёт вид самоубийцы!.. Этот мозг на шпалах... волосы... Эти скрюченные бурые пальцы...

– Ах, Боже мой!.. Он мне непременно теперь приснится... Знаешь, Поль? Я буду бояться спать.

– Положи с собой моську... Не так страшно!

– Моську?! – негодуяще воскликнула Лили. – Oh, que c'est bête!..¹⁵ Вы совсем уж поглупели, мой милый муж!

Солнце спряталось в тучи, покрывавшие запад.

– Скорей!.. Скорей! – торопила Лили кучера. – Я опоздаю на открытие аллегри... Я не могу манкировать... Я попечительница школы...

У дома она уже позабыла о мертвеце и побежала переодеться.

– Наташа... Агаша... Живей! – как серебряный колокольчик звенел её голос по всему дому, вызывая озабоченную беготню и суету прислуги.

¹⁵ О, это глупо! – *фр.*

Через полчаса она выбежала из будуара в бальном туалете, в дорогой накидке на плечах, сверкая красотой, брильянтами и улыбкой, на ходу завертывая голову в кружево, которое Наташа озабоченно набросила ей на плечи.

У Вроцкого сердце ёкнуло, когда он увидал Лили в этом туалете.

– Vous êtes agaçante... Vous êtes adorable¹⁶, – шептал он, подсаживая Лили в карету и страстно сжимая её локоть.

И сам он не знал в эту минуту, в какую из сестёр он влюблён больше.

– А вы, Жорж, следом за мной, с Нелли... Она будет копать, по обыкновению... Да ей и не к спеху... Я вам пришлю карету... Мне вас некогда ждать!.. Sans adieux!¹⁷

Лили небрежно кивнула головкой, и карета загрохотала, увозя попечительницу.

Вроцкий с четверть часа побегал по зале, возбуждённо крутя усы, потом пошёл переодеться во фрачную пару. Когда он явился к Литовцевым (жил он от них в двух шагах, на той же улице), чары Лили уже побледнели... Вроцкий решил вернуться к своей «чистой любви», как мысленно он называл Нелли... К тому же, он никогда не забывал, что с «чистой» любовью сопряжены для него и материальные выгоды.

– Анна Николавна... Вы готовы? – спросил Вроцкий через дверь, останавливаясь у комнаты Нелли.

¹⁶ Вы соблазнительны... Вы очаровательны – *фр.*

¹⁷ Без прощаний! – *фр.*

Ему никто не ответил. Он заглянул в скважину замка. В комнате было темно.

– Анна Николавна, – повторил Вроцкий, нежно понижая голос.

До слуха его донеслись глухие, сдавленные рыдания.

– Отворите, Нелли! – крикнул Вроцкий, как власть имеющий, гремя замком. – Я здесь. *C'est moi!*¹⁸ Ваш Жорж...

– Уйдите... Оставьте! – расслышал он с трудом вымученные фразы.

«Так и знал!.. Это месть Елизаветы Николавны... Она проболталась о моём ухаживании, а Нелли ревнует... Как бы вправду не *entre deux chaises par terre!*¹⁹»

Растерянный Жорж обернулся и очутился перед Литовцевым.

И Господь его знает, откуда он только взялся, да ещё в эту минуту!.. Жоржу даже жутко стало, когда он взгляделся в лицо доктора. Оно было темнее ночи.

– Плачет... – кинул Жорж Литовцеву.

К великому изумлению Вроцкого, у этого чудака-доктора глаза сверкнули радостью. Вот уж всё-то не по-людски!

– Пусть плачет!.. Пусть!.. Тем лучше... Хорошие это слёзы... И не вам её утешить...

– Но почему же?.. Позвольте... Она ошибается, – испуганно перебил Жорж, забывший в эту минуту обо всём на

¹⁸ Это я! – *фр.*

¹⁹ не упасть между двух стульев на пол! – *фр.*

свете, кроме того, что Нелли может ускользнуть из его рук. – Поверьте, что моя любовь совершенно искренна...

– В этом я не смею сомневаться, – дерзко усмехнулся Литовцев и посмотрел на Вроцкого с такой откровенной ненавистью, что тот потерял окончательно почву под ногами.

– Помилуйте!.. Это нелепо даже... Мало ли за кем наш брат-холостяк ухаживает! – он вдруг испуганно осёкся. – А главное – и оправданий моих не хочет выслушать... Будьте моим адвокатом, Павел Александрыч... У меня честные намерения...

Лицо Литовцева опять потемнело.

– О, это меня не касается! Я сватом быть не берусь... Скажите всё сами завтра... А теперь... оставьте её, Вроцкий!.. Вы не поймёте её слёз.

– Но почему же? Позвольте... это слишком...

– Почему? – перебил Литовцев, круто оборачиваясь, и на бледных щеках его вдруг зажглись два ярких пятна.

– Слушайте, Вроцкий... Знаете, кто плачет там, в розовой комнатке? Прежней Нелли, наивной, бесстрастной девочки, теперь уже нет... Это плачет проснувшаяся мысль... Это плачет богатая женская душа, рвущаяся к свету, к правде... Кто знает?.. Пройдёт лет пять-шесть, и это милое дитя забудет свой чудный порыв... Полюбит пошляка... Кто знает?.. Научится сплетничать, лицемерить, лгать, холодно пройдёт мимо чужого горя... Или озлобится от личных неудач... И сердце её сожмётся и засохнет от жизненного холода... Так

пусть же плачет она *теперь!*.. Хорошие эти минуты... Быть может, лучшие в её жизни!

VI

Ночь спустилась жаркая, безветренная, одуряющая как и день. На горизонте вздымались и теснились грозовые тучи, медленно расползаясь по небу и причудливо меняя очертания... Казалось, гигантская зловещая птица расправляет крылья, готовясь подняться и лететь... Цветы в саду пахли сильнее и жадно раскрывали чашечки, как бы умирая от истомы... Птицы смолкли в тревожном ожидании... Из городского сада, где после аллегри шёл бал на открытом воздухе, летели звуки оркестра.

Нелли, в смятом платье, с растрёпанной косой, с опухшим от слёз лицом, сидела на подоконнике. Она была потрясена. Жизнь для неё уже не была прекрасной женщиной, с загадочной улыбкой на устах... Маска спала, и девушка увидела плачущее, страшное лицо... Лёжа там, немой и бесстрастный, этот чужой ей самоубийца дал ей первый жизненный урок, сказал ей своё последнее слово.

«Таких несчастных – миллионы», – говорил Литовцев. Эти цифры подавляли девушку. Она силилась представить их себе и не могла.

Что делать? Как помочь? Нелли сознавала своё бессилие, своё невежество, она вспоминала своё институтское неведение добра и зла. И ей было больно... Боже мой!.. Учиться столько лет... Изучить великих классиков музыки, все тон-

кости салонного рукоделия, знать все ухищрения французского синтаксиса, знать, в каком году родился и когда умер Готфрид Бульонский – и не знать, что рядом страдают и гибнут люди!

Зачем обманывали её? Неужели *они* тоже не знали? Как можно жить рядом с этим миллионом, и совсем-совсем не знать о нём?

«Или, зная, не думать?..» – словно, подсказал кто-то.

Сердце Нелли сжалось. Блестящая умница, дорогая Лили спустилась с пьедестала, на котором гордо стояла до сих пор. И это первое разочарование было тяжело.

«Она танцует... Забыла»... *Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов... Жизнью пользуйся, живущий...* Это сказал Вроцкий там, в коляске, когда они возвращались домой... Как мог ей нравиться этот человек? «Ведь, нынче ещё... Все мы гадкие, все»... – шептала она с отвращением.

«Поль!..» Сердце её вдруг застучало... Да, он непохож на других! Он укажет ей, как сбросить с себя эту давящую тяжесть *миллиона*... Ах! Как много надо учиться, как много узнать!.. Он звал её в больницу... Краска стыда залила лицо Нелли... Лили не пустила её... Она тоже желала ей добра по-своему, как те люди, которые уверяли её, что жизнь – вечный праздник...

Проснувшаяся мысль работала лихорадочно... Девушке вспомнились многие мелочи из отношений Литовцева к знакомым, к прислуге, к больным. И все эти мелочи, раньше

ускользавшие от её сознания, теперь, в связи с ярким впечатлением последней сцены у трупа, окружали Литовцева как бы ореолом нравственной красоты... «Какое счастье иметь такого учителя, такого друга!» И чем больше Нелли думала о нём, тем жарче разгоралась в её душе тихо тлевшая до тех пор искра первого чистого чувства, где всё – вера, подвиг, экстаз...

Часы летели незаметно. Нелли сидела по-прежнему на окне, закинув голову и закрыв глаза. Она теперь старалась припомнить прошлое в институте и дать ему настоящую оценку... Теперь ей казались понятными её взрывы тоски, её беспричинные слёзы, в самый разгар чужого веселья... Это было как бы предчувствие грядущих страданий, как бы провидение той изнанки жизни, которую старательно прятали от неё... Да, теперь ей всё ясно! Она спала, и настало пробуждение...

И казалось ей: вот вышла она из ярко освещённой бальной залы в холод и мрак суровой ночи... Мгла обступила её отовсюду... Дорога чуть заметно мерцает вдали... Какая даль!.. Какая тьма!.. Но идти надо, потому что настоящая жизнь там, впереди, а не в бальной зале... Смело глядит она в загадочный лик будущего, и нет страха в её душе... Она знает, что её ждут новые горести, новые разочарования... Пусть! Из чаши скорби, которую пьёт человечество, и она выпьет свою долю... И если в страдании с другими и за других заключается ответ на тоскующие запросы её души, пусть!.. Она

готова на это... Так легче жить.

Под окном выросла чья-то тень. Нелли вздрогнула. Перед ней стоял Вроцкий, убежавший с бала и как вор прокрававшийся в сад, рассчитывая на эту встречу. Ещё раз потерпев на балу решительный отпор у Лили в своём «преступном» чувстве к ней, он возвращался с раскаянием и умилением к своей «чистой» любви.

– Нелли... Это я, Жорж... – страстно шептал он.

– Пустите... Егор Дмитрич!

– Я люблю тебя! Клянусь, тебя одну любил всегда!

– Пустите, говорят вам!.. Уйдите!.. Я... ошиблась... Я...

Ей-Богу же, я не люблю вас ни капельки!

У Вроцкого невольно опустились руки.

Нелли промчалась через ряд пустых и тёмных комнат и отворила дверь освещённого кабинета.

Литовцев нервно шагал по комнате, стараясь убедить себя, что сватовство Вроцкого в порядке вещей, что ничего здесь нет неожиданного и возмутительного... Нелли взрослая... И замуж выйдет не нынче-завтра... и будет счастлива... Всё это в порядке вещей, и он один никогда не думал об этом... Вроцкий, конечно, пошляк, не пара ей... И лжёт Лили, фантазирует... Не может такое существо увлекаться этими Жоржами... Да, но, ведь, найдётся другой, более достойный... Но почему же при этой мысли ему хочется как мальчику рыдать и кричать от бешенства? И как назвать то жгучее чувство боли, которое терзает сейчас его душу?

При звуке её шагов за дверь он вздрогнул и выпрямился. Странное предчувствие идущей беды прошло по душе его.

Девушка кинулась ему на грудь.

– Нелли!

В этом вопле были и ужас, и боль, и счастье... Он понял её и себя.

Закинув голову, она с восторгом глядела на него, не чувствуя отчаянной страсти его объятия, не умея прочесть в его безумном взоре всей безнадёжности и силы его тоски и любви. В эту минуту она отдавала ему свою проснувшуюся душу.

– Поль... Милый Поль... Возьми меня в больницу!